

ОТЧИНА

По местам, где родился писатель А. СОЛЖЕНИЦЫН

Жизнь, превращенная в тараканы бега. Чуть что, и тебя задавят. А если локтем, плечом проломить стену лабиринта, в который тебя загнали, не давая возможности самому выбрать путь, увидать настоящий горизонт, обязательно зная, что за ним.

Свет Созидателя ровный, мягкий. И как трудно уйти от крива: «Включить прожектор!» Опять свет в затылок, неужто снова бег по лучу и только в луче и куда-то в сторону...

— Знаете, где родился Солженицын?

— Неподалеку отсюда, в селе Сабле,— ответил, посмотрев с недоумением на нас — чего это вдруг об этом? — председатель исполкома Кисловодского городского Совета народных депутатов В. Бекетов.

— Ничего подобного, в вашем городе.

— ?..

— Таисия Солженицына, мать писателя, приехала из Сабли рожать в Кисловодск.

Будущий писатель появился на свет на улице Пушкина (ныне Богдана Хмельницкого) в доме своего свирепого, дикого деда Захара Щербак, кисловодского дачевладельца.

Бекетов сразу же озадачился мыслью о памятной доске, однако, как оказалось, дом, в котором родился Александр Солженицын, не сохранился — был снесен где-то в семидесятых годах. Так что здесь хлопот никаких.

Словом, Кисловодскому краеведческому музею, становящемуся на ноги и организованному под государственной эгидой, надо торопиться, пока можно что-то разыскать, пока не уничтожены прекрасные строения прошлого, как-то связанные с известными людьми Отечества нашего.

«Жильцов дома, где жил Солженицын, хорошо помнит старый врач-рентгенолог...» «Летопись улицы Пушкина вела учительница...» И тот умер, и эта, совсем недавно. Не помог нам и музей.

В руках младшего научного сотрудника Рахимы Гочиевой две старинные фотографии из семейного альбома Солженицыных (известно, кто на них). Это — и все из имеющегося для задуманной экспозиции о писателе. Но курочка по зернышку клюет, глядишь, и еще что-то объявится, ведь не мог совсем уж исчезнуть архив Марии Васильевны Кремер, крестной матери Александра Солженицына. Она умерла недавно в Пятигорске. Неужели опальное имя крестника заставило ее все уничтожить перед смертью (рассказы, письма, фотографии Солженицына). А может, она наказала кому-то все хранить до поры до времени.

— Я познакомился с Кремер случайно в конце шестидесятих годов и стал бывать у нее, — рассказывает кисловодский искусствовед Б. М. Розенфельд. — Она-то и показала мне дом, где родился писатель, познакомила меня с некоторыми его произведениями, за что на нее озлился Солженицын. Тем не менее он очень вежливо ответил на мое письмо, в котором я просил уточнить место его рождения («Уважаемый Борис Матвеевич, я действительно родился в Кисловодске и невольно люблю его за это»). И далее — о желании побывать на родине. Но так и не добрался сюда.

Город запомнился ему не пронзительно чистым небом и покатыми улицами: «Первое впечатление всей моей жизни, — пишет Солженицын, — мне было, наверно, года три-четыре: как в кисловодскую церковь входят остроголовые (чекисты в буденовках), прорезают оболупленную онемевшую толпу молящихся и прямо в шипаках, прерывая богослужение, — в алтарь».

— А что-нибудь из имевшегося у Кремер вы переписали? — спрашиваем Б. М. Розенфельда.

— Стихотворения, сочиненные в заключении; рассказы «На родине Есенина», «Захар-Калита», «Крестный ход», «Старое ведро», — и Борис Матвеевич зачитал чудные строки одного из рассказов.

Не о Кремер ли, как подружке своей матери, выведенной под именем Ксении, упоминает Солженицын в «Августе Четырнадцатого»: «Когда Ксения приезжала на каникулы домой, ее приводила в ужас атмосфера невоспитанности в семье. Однажды она привезла с собой Соню (свою подружку-еврейку), ее глазами еще острее ощутила всю эту неотесанную первобытность и чуть не спорела от стыда». Старый Щербак во время семейных споров хватался за нож, избивал жену.

«Это была семья грубиянов», — не уставала повторять соседям Ирина Щербак, говоря о родных Солженицына по линии матери. Ирина Ивановна, тетка писателя, была замужем за братом Таисии Романом и до восьмидесятих годов жила в Георгиевске, на Ставропольчине, по улице Войко, 109. Ее мазанка под битой черепичной крышей, похожая на приплюснутый, вытянутый курятник, еще стоит в окружении тоже частных, добротных кирпичных домов. Именно сюда после отбытия ссылки наведался писатель, именно здесь он часами расспрашивал тетку об истории их семьи, и часть услышанных от нее рассказов вошла в книгу «Август Четырнадцатого».

В Георгиевске мы познакомилась с В. П. Кондаковой — соседкой Щербак с начала тридцатых годов. Ирина Ивановна, унаследовавшая от отца миллионное состояние, прозябала в беспросветной нищете после смерти мужа, кое-как добывавшего хлеб. Если бы не Вера Петровна Кондакова, делившаяся с ней последним куском, навряд ли она дотянула бы без копейки пенсии до наших дней. И тем не менее с огнем в глазах бросала ей:

— Треклятые, знаете, как мы жили!

Или:

— Роман — безграмотный хам!

— Вокруг нее, — говорит Кондакова, — крутились всякие богомолки, любила о боге поговорить, но в церковь ходила редко, эгоисткой была предельной... Мы с сыном отрывали от себя (доставка особого не было), чтобы ее накормить, а она по тридцать кошек в доме держала. Сюсюкала с ними, ненавидя людей. Но старуха была начитанная, и, хоть и скрытная, однако ее иногда прорывало на рассказы и о своей прежней богатой жизни.

— А о Солженицыне она рассказывала? — спрашиваем мы.

— Все о каком-то его долге бубнила, будто 1.600 рублей ждет от него. Потом какие-то деньги получала. Приходили и к ней всякие заграничные вещи, когда о Саше за рубежом заговорили. Мне вот даже коробку от конфет, кажется немецких, подарила. Корила его за открытость, когда он еще в Союзе был: «Вот дурак, пишет на свою голову, чего хочет добиться...» Грубая старуха. Увели ее потом какие-то люди, приехавшие из Москвы, где она, говорят, и померла недавно.

Мы вспоминали, как в пору «оттепели» взахлеб читали «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор», поражаясь смелому взору автора, его душевной раскованности, обнаженной правде, к которой были совсем не приучены. Сдернул повязку с наших глаз, впервые открыто заговорил с нами на темы, заставлявшие с прищипкой опаской оглядываться: а вдруг мы попались на подсаду утку? Его критики испугались: ишь, на что обрушился — на саму политическую систему. Прислушаться бы тогда, может, не болели бы так серьезно теперь, хотя, конечно, мы далеко не во всем согласны с ним. Но он куда предпочтительнее тех, кто развивает панегирики и юлит во взглядах. И, думается, Солженицын надеется на выздоровление нашего общества.

Вопреки верхам, мы никогда не отказывались от него, писателя, бесспорно сильного, во всем русского. Лично у нас есть идеалы, которые нам не позволяют взглянуть на некоторые вещи с точки зрения Солженицына, ну да и слава богу, но вот отворачиваться друг от друга — зачем? Снова читаем его в журналах, и с удовольствием, поэтому и знать о нем самом должны больше.

В селе Саблинском Александровского района Ставропольского края живет двоюродная сестра писателя — Ксения Васильевна Солженицына. Заметьте: фамилия буква в букву не совпадают. По простой случайности. Описка — вместо «е» появилась «а» — произошла при оформлении паспорта Ксении Васильевны. Вот и полу-

чилось — Солжаницына... Но родство-то этим не перечеркнешь. О нем знают односельчане.

Жители Сабли — так между собой называют здесь село — помнят Семена Ефимовича Солженицына, человека до революции влиятельного, владельца примерно двух тысяч десятин земли и почти 20 тысяч овец. У него были батраки, иногда их насчитывалось до пятидесяти и поболее. Помогали по хозяйству и четыре сына, подраставшие один за другим, — Исай, Василий, Константин, Илья. Да и дочь Мария (говорят, в семье были еще две дочки, но так ли это, установить не удалось) не относилась к числу белоручек. Жили дружно, в полном согласии между собой.

Мировая война, разразившаяся в четырнадцатом, нарушила семейное единство. Первым ушел на фронт старший сын Семена Ефимовича — Исай. Был офицером. В семнадцатом году женился. К этому времени появилась дочь у Василия. Назвали Ксенией. Теперь Ксения Васильевна — за ее плечами 71 год жизни. Живая, подвижная, общительная, она рассказывает о себе:

— Я старше Александра Исаевича, своего двоюродного брата, родившегося в 1918 году, на несколько месяцев. Видеться с ним мне не довелось, так уж сложилась судьба. Я была шести месяцев, когда умер отец, а в пятилетнем возрасте осталась полной сиротой. Меня и двух моих братьев опекал дядя Константин. Жили мы в Сабле, куда регулярно наведывался, как я знаю из рассказов родственников, Исай Семенович, поселился после революции в Кисловодске, где и родился у него сын. В один из его приездов и приключилась беда. На охоте ранил сам себя из ружья. Спасти не удалось. Похоронили в Георгиевске. Таисия была на третьем месяце беременности. Вскоре после родов она переехала в Ростов-на-Дону. Там и прошли детские, отроческие, юношеские годы писателя. Я же из Сабли — никуда. Дядю Константина в разгар коллективизации раскулачили и со всей семьей выслали на Урал. Больше мы не виделись. Хлебнула я с братьями горюшка, но вот выжила...

Село Саблинское — центральная усадьба колхоза имени Кирова. Ксения Васильевна — уважаемый здесь человек. Много лет работала в полеводстве, на свиноферме. Теперь — на пенсии. Управляется по хозяйству сама и лишь в крайних случаях обращается за помощью к сыновьям. Один, старший, живет тут же, в селе, другой обосновался в городе Минеральные Воды.

Ксения Васильевна делится:

— Как-то раз мне показали «Один день Ивана Денисовича», однако познакомиться с повестью не удалось. Было время, когда за родство с писателем приходилось давать отчет. И довольно часто. Приходили какие-то хмурые люди, подолгу расспрашивали, что я знаю об Александре Исаевиче, нет ли у меня каких контактов с ним.

Подобные визиты нервировали. И что она могла сказать? Хотел встретиться с братом, но кто поймет, правильно истолкует ее желание. О ее мыслях удалось узнать от одного из сыновей — Николая Тимофеевича Загорина. Он заведует четвертым производственным участком в колхозе имени Кирова и носит фамилию отца.

— Знаю, что недавно мать обращалась в Советский Красный Крест с просьбой об оказании содействия в выяснении адреса Александра Исаевича Солженицына. Но ей ответили, что помочь не могут. Посоветовали обратиться за содействием к Красному Кресту США. После этого от затеи отказались.

— Хотела бы поговорить с ним о жизни, — говорит Ксения Васильевна. — Многим могла бы поделиться, да и брата было бы интересно послушать.

Политическая заостренность написанного А. Солженицыным достаточно очевидна. И тут «нейтралитет» исключается. Ясность должна быть полная. Согласно с личной позицией каждого. Определить ее Ксении Васильевны не составит труда. Во всяком случае, никто не помешает. А это и станет практическим контактом с

братом, о котором ей часто думается.

Может, когда и приедет на родную ставропольскую землю, в которой покоится прах его родителей. Мы пытались найти могилу матери Солженицына, умершей в 1944 году в Георгиевске от туберкулеза. Долго бродили по небольшому, совсем заброшенному кладбищу — все безрезультатно. Невеселые думы оставила эта попытка. Будто вурдалаки все крушат на погосте. Но ведь не они... Плохо относимся к ушедшим и к святой памяти о них, а именно тут духовные начала. Потому и растет кривая поросль. Какие мы сами-то? Вглядитесь в себя. Потерять доброту — остаться без нравственности.

Не помогли и в местной церкви, куда сходили. Но успокоили: «Единая земля, поклонитесь месту, где нашла приют». Поклонились. Наша вера против перезахоронений, но колено будет правильно преклонить в Георгиевске.

— А вы-то не знаете, где могила Таисии Захаровны? — спросили мы у Кондаковой.

— Отправилась я как-то на могилу матери, когда еще на старое кладбище не страшно было ходить, увязалась за мной и Ирина Ивановна. Ну, побывала на могилке, а потом и говорю: «Давайте навестим Таисию». А она так клятвою мне: «Вот те крест, не помню места!» Знаете, совсем недавно в разное время у меня побывали три человека, все спрашивали о могиле Таисии Захаровны, видимо, по просьбе Саши.

Возле дома Кондаковых собрались ее соседи, те, кто как-то помнил Ирину Щербак. Странно, но они ничего не знали о самом Солженицыне. Он окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу, в 1941 году — физико-математический факультет университета. Специального литературного образования не имеет. Перед самой войной заочно учился в Московском институте философии, литературы и истории. В сорок первом призван рядовым, а год спустя после окончания артиллерийского училища назначен командиром батареи. На фронте до февраля 1945 года. Награжден двумя орденами. В звании капитана был арестован (в его письмах была прослежена критика Сталина). Приговорен к восьми годам заключения. В 1957 году реабилитирован.

А теперь мы прибегнем к гамбургскому журналу «Штерн» самого начала семидесятих, в котором рассказывалось об «Августе Четырнадцатого», кое-каких подробностях семейной истории Солженицына:

«Все персонажи книги Солженицына, названные подлинными именами, мертвы, за одним исключением. Ее зовут Ирина, и автор представляет ее в самом начале повествования как очаровательную, молодую и очень богатую женщину, муж которой, Роман, одетый по английской моде помещик. Кто такая Ирина? Репортер журнала «Штерн» Дитер Штейнер установил, что зовут эту женщину Ирина Ивановна Щербак, она приходится Солженицыну теткой, невесткой его матери.

Уже во время войны Солженицын женился. После того как он в 1953 году был освобожден из тюрьмы, его жена не отправилась за ним в последующую ссылку. Ирина Щербак вспоминает: «В 1956 году Саня вернулся. Он поехал к своей жене в Ростов, но она уже жила с другим. Саня был очень подавлен. Он устроился в Рязани. После того, как он нашел там прилично оплачиваемое место учителя математики, супруга решила вернуться к нему. Саня приехал ко мне и просил моего совета. Я ответила, что уважаю только тех женщин, которые следуют за мужьями... Все остальные — просто любовницы. Однако жене, благодаря ее настойчивости, все же удалось уговорить Саню, и она переехала к нему. Но затем он сошелся с другой женщиной».

...Александр Исаевич, мы посетили дорожке вам места. Нам представляется, что, если бы вы оказались на Родине и выпал бы вот такой же день, вы распорядились бы им точно так же. А потому мы вам дарим его.

В. ПАНКРАТОВ,
В. ЧЕРТКОВ.

Ставропольский край.